

СПЕЦНАЗ | БЕРИИ

ЛЕШИЙ В ПОГОНАХ

АЛЕКСАНДР ТАМОНИКОВ

МОСКВА 2024

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Т17

Иллюстрация на обложке
Владимира Нартова

Тамоников, Александр Александрович.
Т17 Леший в погонах / Александр Тамоников. —
Москва : Эксмо, 2024. — 320 с.

ISBN 978-5-04-199738-0

Лето 1944 года. Советские войска развивают наступательную операцию под кодовым названием «Багратион». Не ожидая такого мощного удара, гитлеровцы вынуждены в спешном порядке эвакуировать свои тыловые службы. В районе Орши, прихватив секретный архив агентурной сети, пропадает начальник местного отделения гестапо. На поиски документов исключительной важности отправляется группа Максима Шелестова. Один из ее членов, Борис Коган, практически добравшись до цели, внезапно натывается на вражеский патруль. Для контрразведчика это верная смерть... Так бы и случилось, если бы в последний момент один из немцев не показался Когану подозрительно знакомым...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-199738-0

© Тамоников А.А., 2023
© Оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2024

ГЛАВА 1

Анна проснулась не сразу. И даже когда сквозь сон она не столько услышала, сколько ощутила этот гул, то все равно просыпаться не хотелось. Нет, это не гул моторов за окном, это не поездка мужа куда-то в деревню ловить партизан. Сердце подсказывало, что сейчас произойдет что-то страшное, настолько страшное, что перевернет всю жизнь, привычную жизнь немецкой женщины, матери двух детей. Весь привычный мир был в руках мужа, он был ее надежной защитой и гарантом семейного спокойствия и надежности. Штурмбаннфюрер Николас Альбрехт, начальник отделения гестапо здесь, в этом районе бывшей Советской России, давал возможность своей жене чувствовать себя уверенно. Но вот сейчас сквозь сон ворвался в сознание уверенной в себе женщины гул моторов советских самолетов, грохот разрывов артиллерийских снарядов. И вместе с этими звуками будто рухнул привычный на-

дежный мир. Анна не поняла еще, что происходит, но она почувствовала, что надвигается страшное.

— Вставай! — закричал муж, срывая с женщины одеяло. — Быстро одевай детей! И в машину!

За окном кричали люди, раздавались команды немецких командиров. Ревели моторы грузовиков и трещали мотоциклетные двигатели. Земля уже дрожала от разрывов, звенела посуда в застекленном шкафу. Бомбы падали где-то на северной окраине в районе железнодорожного вокзала. Анна быстро натянула юбку, схватила блузку, но никак не могла попасть трясущимися руками в рукава. Она смотрела на спящих в кроватках детей, и сердце ее сжималось от ужаса. Четырехлетний Рудольф и шестилетний Карл мирно спали. Наконец Анна оделась и стала будить детей.

Все происходило как во сне, страшном ночном кошмаре. Зажигать свет муж запретил, а за окном металась тень, изредка фары машин били в окно, ослепляя, наводя панику. Кто-то из командиров орал истошным голосом, чтобы водитель выключил фары, где-то рядом на соседней улице ударила автоматная очередь, и у Анны чуть не остановилось сердце. Рудольф начал плакать, и женщина взяла его на руки. Она забежала в кабинет мужа, где Николас

лихорадочно хватал документы из раскрытого настежь сейфа и бросал в брезентовый мешок. Некоторые папки он укладывал в коричневый кожаный портфель. Увидев жену, он застегнул портфель и закричал, чтобы она бежала и садилась с детьми на заднее сиденье машины. Раньше Николас никогда не кричал на нее, и Анне стало не просто страшно, ей стало жутко.

Она выбежала на улицу, водитель ее мужа, хмурый молчун Отто стал помогать усаживаться в автомобиль. Николас выбежал на улицу с портфелем, спросил кого-то, не вернулся ли Йозеф Бозр. Ему ответили, что колонна попала под бомбежку. Гул наползал с неба, заполняя все пространство вокруг. Муж посмотрел на ночное небо и крикнул Отто, чтобы тот заводил машину. Рядом трогались другие машины, какой-то грузовик со скрежетом зацепил легковую машину интендантского управления. Анна сжала плачущих детей, накрыла их головы большим русским платком, который муж привез ей зимой откуда-то из деревни, и стала шептать мальчикам, что все будет хорошо, все обязательно будет хорошо. Наступит утро, и будет солнце и голубое небо. И все страхи останутся позади, в прошлой ночи.

Машина выскочила на ночное шоссе, где уже двигались колонны грузовиков с выключенными фарами. Машины сталкивались, два больших грузовика съехали в кювет, и какой-то

офицер бегал вокруг, размахивая руками, пытаясь остановить бронетранспортер. Отто вывернул руль и по обочине шоссе объехал хвост колонны. Анна видела, как муж постоянно крутил головой. Кажется, их автомобиль оторвался от основной колонны машин отдела гестапо. Прошло больше часа, уже светало, а машина все тащи́лась и тащи́лась в потоке автомобилей. Никак не удавалось вырваться вперед, обогнать. Анна, прижав к себе сыновей, закрыла глаза и попыталась уснуть, но мысли метались в голове с таким неистовством, что заснуть не удавалось. Как такое могло произойти? Муж постоянно говорил, что у русских временные успехи, что немецкие армии соберутся с силами, получают новые танки и самолеты и снова сметут большевистские орды и опять устрелятся к Москве и дальше к Уралу.

Русские! Анна так и не поняла их, хотя вокруг за последний год их было немало. И горничная была русская, и в ресторане работали русские девушки, и в офицерском гарнизонном клубе, и в городской управе тоже. Они как будто смирились с оккупацией, и в то же время Анна часто ловила на себе ненавидящие взгляды русских женщин. Анна хорошо знала, ей вбили в голову, что при большевиках русские не жили, а мучились, находились почти в рабстве. А немцы принесли сюда порядок, многих увозили на работу в Германию, где люди были

защищены, были сыты. Да, убивали тех, кто восставал против германской власти, но это неизбежно. Русские должны были покориться, но они не покорялись. Анна знала, что леса полны партизан, кровожадных и беспощадных.

И тут сердце снова заколотилось. Жуткий смертельный ужас снова охватил Анну, и все внутренности сжались. В воздухе нарастал звук авиационных моторов. Еще минута — и над головами пронеслись советские штурмовики. Всполохи огня, черные клубы разрывов, огонь, грохот! Все двигавшееся по дороге горело, взлетало в воздух, а сверху снова и снова атаковали самолеты с красными звездами на крыльях. Оставляя за собой дымные следы, проносились ракеты, и снова вздымалась земля, рвался и горел металл. Муж кричал водителю, чтобы тот сворачивал в лес, на лесную дорогу. Отто кричал, что здесь не свернуть, надо проехать еще несколько метров. Эти крики, в которых не было уже ничего человеческого, заставляли стонать. Анне хотелось самой что есть мочи закричать, чтобы все это прекратилось. Грохот, разрывы, горящие люди и машины на дороге, вой моторов, крики детей в кабине... Боже...

Максим Шелестов ехал по вечерней Москве и смотрел на небо. Грохотал оружейный салют. Сколько людей на набережных, сколько

людей на мостах! И все с восхищением смотрят на небо. Всего год, как прозвучал первый салют в честь побед наших войск, освободивших Белгород и Орел, а люди уже привыкли к победам, люди с надеждой и верой смотрят на небо, слушают грохот артиллерийских залпов и мысленно, всем сердцем, пребывают со своими мужьями, сыновьями и братьями там, на далеких фронтах. Ведь в честь них это торжество, страна гордится своими воинами, их победами.

Шелестов ехал по вызову Платова, не удивляясь, что комиссар госбезопасности ждет его вечером. Меньше людей увидят Максима Андреевича у входа в здание на Лубянке, меньше людей увидят его в коридорах наркомата. Может быть, не только Платов, но и Берия будет участвовать в этой встрече. Как-то Сосновский пошутил, что их группа уже стала личной гвардией Берии, которую на простые задания не отправляют. Михаил даже вспомнил вычитанное где-то из воспоминаний приближенных Наполеона, как он только в критических ситуациях, когда нужна была победа, и только победа, отдавал приказ: «Гвардия, в огонь!» Да, были времена, а Наполеона даже его гвардия не спасла в 1812 году в России, да и под Ватерлоо тоже. Коган тогда язвительно заметил Михаилу, что тот приравнивает личность Берии к личности Наполеона. Шелестову пришлось вмешаться и перевести

разговор на другую тему. Обсуждать наркома, да и вообще кого-либо из руководителей страны, в группе не следовало. Не тот уровень осведомленности и ответственности у членов группы, чтобы кого-то оценивать. Им необходимо выполнять свою работу, на своем уровне.

— Разрешите... — начал было Шелестов, войдя в кабинет Платова, но тот только поднял ладонь, заставляя визитера замолчать, а потом сделал нетерпеливый жест в сторону кресла.

Платов стоял, держа возле уха телефонную трубку, и слушал кого-то, отвечая только короткими междометиями. Шелестов осмотрелся. Все как всегда, ничего не меняется в кабинете комиссара госбезопасности. Правда, сам Павел Анатольевич сильно изменился: еще глубже запали глаза, заострились скулы. Но взгляд все тот же — глубокий, проникающий в самые недра твоего сознания. И кажется, что только взгляд Платова встретится с твоим взглядом, а он уже прочитал твои мысли, понял тебя, угадал, что ты ответишь, как поступишь. Уже три года идет страшная война. Все смертельно устали — и в тылу, и на фронте. А ведь с февраля этого года Платову к его обычным должностным обязанностям добавилось руководство группой «С». Группа занималась агентурной работой в области атомной проблематики. Со-

трудники группы добывали, анализировали, обобщали материалы, полученные из-за рубежа. Прежде всего из США, Норвегии. Но больше всего беспокоили работы, проводимые в нацистской Германии. Группа Шелестова еще в прошлом году как раз в Норвегии столкнулась с этой темой. Шелестов и Берия еще год назад почувствовали угрозу, поняли, что некоторые ученые вплотную приблизились к теоретическому моделированию и первым шагам практического исполнения в области атомного оружия большой разрушительной силы.

Положив телефонную трубку на аппарат, Платов почти минуту смотрел на нее с какой-то особенной задумчивостью, как будто еще раз прокручивал в голове недавний телефонный разговор. Потом выражение задумчивости исчезло с лица комиссара госбезопасности, и он бросил на Шелестова внимательный взгляд.

— Видел? — спросил Платов, кивая на окно.

— Да, — улыбнулся Максим Андреевич. — Сегодня их сразу пять. Целых пять салютов!

— Наступаем, громим врага! Освобождаем родную землю! — Платов сжал кулак так, как будто хотел ударить им по крышке стола. Но занесенная рука мягко легла, и он уже спокойнее спросил: — Как группа?

— Занимается, — ответил Шелестов. — Все по плану: боевая подготовка, изучение новых материалов, полученных разведкой, досье немецких и других иностранных разведчиков, пособников, данные по последним проведенным и сорванным вражеским агентурным операциям и операциям союзников.

— Временных союзников, Максим Андреевич, — строго поправил Платов. — Временных! Я хочу, чтобы вы хорошо понимали, что Запад с нами по необходимости, что наши союзники не смогли сами загнать в конуру возвращенного ими же зверя, возвращенного именно против нас. Запад — это такой же зверь, как и нацистская Германия, готовый и сам вцепиться в нас зубами, стоит нам только отвернуться и ослабить внимание. Никогда Запад не оставит нас в покое, ему не нужна наша страна сильной и независимой. Ему всегда не будут давать покоя наши колоссальные природные ресурсы. И дело не в коммунистической идеологии. Мы можем ее поменять на любую другую, и Запад все равно найдет причину, чтобы враждовать с нами, чтобы нас ненавидеть. Учтите это и не поддавайтесь на любезное протягивание нам руки Запада. Придет время, и эта рука ударит нам в спину. Обязательно ударит!

— Мы не питаем иллюзий, товарищ комиссар госбезопасности, — понимающе кивнул

Шелестов. — Готов выслушать ваше задание. Вы же пригласили меня для этого?

— Задание, — с какой-то странной интонацией произнес Платов, взял со стола карандаш и задумчиво покрутил его в руках. — Задание будет несколько странным, Максим Андреевич. Возможно, что полученная информация не стоит и выеденного яйца, а может, стоит очень дорого. Много нелепостей, много неточностей. Я бы счел эту информацию провокацией, хорошо подготовленной дезинформацией, но в таком случае нам бы подкинули более лакомый кусочек. А тут: вроде бы, где-то, возможно, есть основания полагать...

— Но проверять эту информацию все равно нужно?

— Обязательно нужно, когда речь идет о секретном архиве отделения гестапо, которое действовало больше года в районе Орши. Архив, в котором имеются сведения о предателях, пособниках и, возможно, «законсервированной» агентуре, которую специально готовили именно для такого вот случая. Случая нашего наступления, чтобы оставить на освобожденной нами территории «пятую колонну», разведчиков и диверсантов.

— И этот архив, конечно, был утерян ротозеем-гестаповцем во время панического бег-

ства, когда началось наше наступление в Белоруссии?

— Молодец, — усмехнулся Платов. — Уловил мои сомнения. Слишком уж незамысловатый и часто используемый шаблон.

— А если не шаблон, а если это правда? — задумчиво произнес Шелестов. — И еще. А если и деза, то с какой целью? Я понимаю, если это произошло на территории Германии, если на временно оккупированной немецкими войсками территории какой-то другой страны, даже нашей. Это позволило бы вражеской разведке вскрыть нашу агентурную сеть, когда мы попытаемся завладеть архивом. Но архив, как я понял, утерян во время бегства и находится на территории, освобожденной Красной армией.

— Все правильно, Максим Андреевич, — подтвердил Платов. — Именно эти сомнения и не дают мне покоя. Именно они меня и заставляют отправлять твою группу на только что освобожденную территорию. Посмотрите там, на месте, допросите людей, которые могли иметь отношение к тем событиям, могли быть вольными или невольными свидетелями. В помощь вам придается майор Морозов Тимофей Иванович из Смерша 11-й гвардейской армии. Он первым наткнулся на сведения об эвакуированном и утраченном архиве гестапо.

Первое, что бросилось Буторину в глаза, — это фанерные таблички с надписью: «Осторожно мины!». Они были почти всюду вдоль дорог, на опушках. Следы колес и гусениц виднелись на проселочных дорогах, которые шли вдоль шоссе. Те же дороги, что шли в глубь лесов и полей, тоже были под запретом. Точно такие же таблички. Одни из старой фанеры, другие из свежевывесанных дощечек. Было несколько и железных, пробитых пулями и осколками. Осмотревшись по сторонам, Буторин увидел вдалеке крыши нескольких деревенских хат, шест, на вершине которого красовалось колесо от телеги. На вершине, поджав одну ногу среди гнезда из соломы, важно красовался аист. «Жизнь возвращается, если вернулись аисты», — подумал Виктор и зашагал по накатанной дороге в сторону деревушки.

Дорога была мягкая, сплошь песчаник. Идти легко. Солнце припекало, и совсем бы уже казалось, что мир пришел в эти места, если бы не рокот канонады где-то на западе, если бы не мысль, что совсем рядом у края дороги или за опушкой притаилась смерть. Противотанковая, противопехотная, не разорвавшийся в свое время снаряд, мина или авиационная бомба. И вот взрыватель, напряженный как струна, только и ждет, что ослабнет металл и рванется

наружу смерть, хватая в свои огненные кровавые объятия всех и все, что будет находиться в этот момент рядом.

Полтора десятка баб, подоткнув подола юбок и неуклюже двигаясь в стоптанных не по размеру кирзовых сапогах, окучивали ряды картошки. Рядом зеленели какие-то огороды. Там малышня в возрасте около десяти лет или даже чуть поменьше возила на маленьких самодельных тележках воду. Мужчина в сдвинутой на затылок кепке, сидя на пеньке, отбивал косу. Вполне мирная картина деревенской жизни.

— Что, полевые работы в самом разгаре? — спросил Буторин, сдвигая фуражку на затылок. — Здорóво, хозяин! Присесть можно передохнуть?

— Садись, место не купленное, — усмехнулся мужчина, и сразу стал заметен шрам на щеке и шербатый рот, где, видать после ранения, человек потерял часть зубов.

Буторин достал портсигар, раскрыл его, предлагая собеседнику взять папиросу. Тот глянул на простенький дюралевый довоенного выпуска портсигар, на папиросы, потом посмотрел майору в глаза. Папиросу взял аккуратно двумя пальцами, но как-то без охоты. Но тут же пояснил, дунув в гильзу папиросы, замяв зубами ее конец:

— Благодарствую, конечно. Гостям всегда рады, коли с добром. А табачок ваш для наших мест непривычный.

— Ну, и я не всегда папироской балуюсь, — пожал плечами Буторин. — Приходится и мне махорку курить... А что, бывает, приходят и не с добром? Мир ведь теперь на белорусской земле, выбили мы вражину далеко на запад. Не вернуться, это уж точно. Гоним взашей!

— Ты, майор, я смотрю по эмблемам на погонах, офицер пехотный, — затянувшись несколько раз, проговорил мужчина. — Да только вопросы задаешь не такие. Да и частей тут воинских не видно. Не на постоя же сватать к нам свою часть пришел. Негде тут стоять — полторы хаты и два сарая. Да бабы с детишками голодные. И моя пара рук на все про все. Так-то вот. Ты ежели с чем пришел, так говори прямо, не наводи тень на плетень. Я калач тертый, партизанил в этих краях.

— Да знаю я, Андрей Богданович, — спокойно сказал Буторин. — Все про тебя знаю. И что партизанил, что ранение имеешь, медаль. Что до войны председателем колхоза был, да и теперь вот вернулся к порушенному хозяйству, восстанавливаешь его, руки не опустил. Ответственность на тебе перед людьми, перед Родиной. Привык ты отвечать и себя не жалеть.

Все знаю про тебя, Андрей Богданович Яблык, потому и пришел к тебе за советом.

Буторин полез в карман, вытащил красное удостоверение Смерша и, прикрывая его рукой, показал мужчине. Тот глянул, кивнул и, попыхивая папироской, стал смотреть на баб. Разговор не сразу начал клеиться, непростая судьба была у партизана. Говорить о войне те, кто прошел ее горнило, не любят. В армию Яблыка в 41-м не взяли из-за плоскостопия, в эвакуацию колхоз не успел. По приказу партийной власти жгли хлеба, забивали скот, чтобы не достался врагу. Многие покинули свои дома, подались на восток. Да успел ли кто далеко уйти, теперь и не скажешь. Сколько косточек по полям, лесам и дорогам лежат. И солдатских, и мирных граждан. Только Андрей Богданович на восток не ушел, а ушел в леса с другими мужиками. Там сошелся и с красноармейцами, что оказались в окружении, и с отрядами, которые специально оставляли в лесах государственно-партийные органы.

В тяжелых боях побывал партизан Яблык. Друзей, товарищей боевых потерял, жену похоронил. А уж сколько горя людского повидал — такого никому не пожелаешь. Залил враг землю белорусскую кровушкой, по самое горло залил. И бил врага бывший председатель колхоза со всей своей ненавистью и накопившейся злостью.

И людей всяких повидал Андрей Богданович. От героев, которым славу петь во всех поколениях, до тех, презрение к которым останется в памяти народной. Разговор постепенно вошел в нужное русло. И про гестапо рассказал Яблык, про поллицаев, предателей, которых засылали в отряды каратели, про немецких агентов, про тех, кто добровольно пошел служить к врагу за кусок хлеба, кто продался за «тридцать сребреников».

— Я тебе так скажу, Виктор Алексеевич, — заявил партизан, снова закуривая, но теперь свой табачок из расшитого кисета. — Не все так просто было. Не было такого, что вот тебе враг, а вот тебе друг. Были и такие, что просто прятались, за шкуру свою тряслись. Были и такие, что видимость создавали, что они подпольщики, партизаны, а на самом деле — пшик один. Были и враги, выдававшие себя за подпольщиков, тех специально в гестапо готовили, подбирали. Поди разберись сразу, кто есть кто. Кровью платили за это. Умело гестапо работать, умели они всю мразь собирать в кучу и против нас направлять.

— А что про начальника гестапо Альбрехта скажешь?

— Да что про него сказать, — нахмурился мужчина. — Нацист из нацистов. Люто ненавидел всех славян. Но умен был, это я подтверждаю. Мастер своего дела. Умел находить